

От решительного голоса отвечающего Сану у Чехёна не осталось сил, и он фыркнул. Имелось в виду, что если выйдет сюда, то волей-неволей придётся возиться с ним. Что больше никакого "сососу и сбегу" или вялого отношения. Что за мысли в этой маленькой головёнке, с серьёзным лицом говорит, что точно не выйдет, – пухлые губы были невыносимо милыми.

— Я выхожу. Делай что хочешь.

С этими словами Чехён вышел из машины. Затем обошёл вокруг и открыл дверь пассажирского сиденья, где сидел Сану.

Думая, что хочет вытащить, Сану держался за всё ещё пристёгнутый ремень. Чехён, словно всё равно, наклонился и щёлк – отстегнул последнюю спасательную нить Сану. Немного замешкавшись, Чехён повернул голову и легонько поцеловал губы напряжённого Сану.

Президент сам первый поцеловал? Не успел испугаться, как сладкий запах начал вибрировать в машине.

— Не хочешь сперму?

Ухмыляющееся лицо Чехёна прямо перед носом заставило Сану на мгновение задержать дыхание. Неопытный в ситуации член хозяина не понимая, вскинулся. Говорил же, что если выйдешь, конец... и так не понимал, о чём думает Чехён, а сегодня особенно казался рассеянным. Не зная, что именно конец, Сану вытянул ногу, чтобы выйти из машины Чехёна.

Ух, вид на реку Ханган! Богатый район!

Не успев восхититься, Сану потащили внутрь. В доме, где не включили свет и было темно, Сану с руками на плечах молча смотрел на Чехёна. Видны были только смутные очертания, и от этого Чехён не казался страшным. От всё сильнее сгущающегося сладкого запаха Сану сглотнул слюну. Без слов, только слышалось дыхание двоих, и в этом глоток прозвучал особенно громко. Когда тишина стала неловкой, в итоге Сану пришлось заговорить первым.

— Президент, я теперь...

Правда можно сосать?

Не успел закончить вопрос, как к губам Сану прикоснулось что-то мягкое. В отличие от недавнего короткого прикосновения, на этот раз мягкие губы соприкоснулись, легко приоткрылись, потёрлись и закрылись. Неожиданно нежный поцелуй не дал Сану даже подумать оттолкнуть, и он просто стоял. Почему президент целует так сладко? Вопрос, всплывший на поверхность, снова утонул, когда язык Чехёна защекотал нижнюю губу.

— Первый раз целуешься?

Какая нежность. От досадливо вылетевшего колкого голоса Чехёна Сану вспыхнул.

— Нет? Вы меня за кого держите?

Пальцы Чехёна, всё ещё крепко державшие плечи, поднялись и легонько провели по подбородку Сану.

— Тогда открой рот.

На слова Чехёна Сану, как лягушонок-наоборот, ещё плотнее сжал губы. Ничего не давалось

легко. И от этого был ещё милее. Чехён фыркнул с губами, прижатыми к губам Сану. Подумав, что его высмеивают, Сану надул губы. Чехён легонько прикусил и так задвигавшуюся нижнюю губу Сану.

(Примечание: "лягушонок-наоборот" отсылка к корейскому выражению, означающему упрямого человека, который делает всё наперекор).

— А...!

Хоть и не больно укусил, Сану преувеличил. Чехён не упустил образовавшуюся щель и вставил язык. Проникшая в тёплый рот плоть мягко провела по языку Сану и переплелась. Сладкий вкус исходил от тела Чехёна не только от спермы. Может, потому что целую неделю голодал, даже язык Чехёна, коснувшийся его языка, был сладким. Сладкое и нежное ощущение, как взбитые сливки, невозможно было терпеть.

Сану невольно поднял руки и обнял шею Чехёна. Желая попробовать этот сладкий вкус глубже, больше, крепко обнял голову Чехёна и притянул к себе. Поцелуй Чехёна был слишком сладким. Не желая упустить вкус, словно пропитанный мёдом, Сану двигал язык, следуя за языком Чехёна, исследующим каждый уголок рта.

Щекоча заднюю часть верхних зубов, скользя по внутренней стороне щеки. Не успевая догнать, гоняясь за убегающим языком, голова Сану всё больше наклонялась. Хоть ел он, но ощущение поцелуя, словно его поедают, заставило член Сану встать. Этого было мало, и не в силах терпеть, дёргаясь, искал тепла и тёрся. Желая тереться сильнее, взбешённый низ плотно прижался к бедру Чехёна.

Почувствовав инстинктивное движение, Чехён, от удовлетворения, поднимающегося из глубины груди, напряг бедро, стимулируя Сану.

— Мм...

Едва слышный стон Сану растормошил желание Чехёна. Прямо сейчас хотелось уложить Сану и втереть свой член куда угодно - в пухлые губы, прямой нос или розовый член, который видел раньше. Куда угодно - втереть и потереть. Извращённый ублюдок. Так обругав про себя, что же он сам, желающий трахнуть извращённого ублюдка. Чехён еле-еле удержал улетающий рассудок и подумал.

Не мог понять, почему этот большой и твёрдый парень кажется таким прелестным. Почему, называя извращённым ублюдком, всё равно хочется быть добрым? Почему хочется гладить тонкие и мягкие волосы и говорить, что милый? Чехён на мгновение оторвал губы и пристально посмотрел на лицо Сану. В поле зрения попало ошеломлённое красивое личико, смотрящее на него.

Каждый раз, когда моргал, глубокие складки век Сану распрямлялись и снова углублялись. Длинные ресницы над ними даже в темноте отбрасывали тени, а пухлые губы, смоченные слюной, блестели. Да. Точно, лицо было в его вкусе. Но это не значило, что Сану выглядел как гибкая и мягкая женщина. Из-за переполнявших мыслей Чехён оставил Сану без внимания.

— Президент...

Лишённый сладкой еды Сану позвал Чехёна умоляющим голосом. От сладкого запаха, заполняющего и переполняющего просторный дом, Сану чувствовал себя не просто пропитанным, а словно окунувшимся в бочку с мёдом. От вкусного запаха, вибрирующего

настолько сильно, что трудно дышать, Сану не мог прийти в себя. Сану слишком хорошо знал, как избавиться от этого голода. И Сану знал единственного, кто мог его накормить. Перед глазами аппетитно лежал соблазнительный пир.

— Что хочешь сделать?

Из горла Чехёна, пересохшего от похоти, вырвался сухой голос. Что хочет сделать. Сану было противно, что Чехён спрашивает, хотя и так всё знает. И всё же, всё, что мог делать – умолять.

— Хочу сосать член... дайте поесть...

Ничто не могло победить голод.

Чехёну было мило, что Сану говорит честно, и он снова улыбнулся довольной улыбкой.

— Нельзя.

Это прозвучало как гром среди ясного неба.

— Нель... зя?

Будь в здравом уме, разозлился бы, но Сану, который давно отбросил рассудок, было только горько. С трудом сдерживая подступающие слёзы, Сану крепко вцепился в воротник Чехёна.

— Правда нельзя...?

Чехёну стало мило от этого вида, и он легонько поцеловал щёку Сану.

— Да. Сегодня терпи.

Рука Чехёна, легонько обхватывавшая талию Сану, напряглась. Сану потащили, ведомого Чехёном, в самую дальнюю комнату дома. Как только вошли в комнату, его бросили на широкую и мягкую кровать. Хоть слово "бросили" и не подходило – не было ни боли, ни грубого обращения, но в любом случае лёг не по своей воле. Чехён немного смотрел на Сану, лежащего на кровати и тупо моргающего. Если останавливаться – сейчас последний шанс. А желания остановиться не было совсем.

Пальцы Чехёна грубо развязали галстук. Снял и отбросил пиджак с жилетом, но терпения не хватило, чтобы снять рубашку, застёгнутую до шеи. В итоге, отказавшись от снятия рубашки, Чехён забрался поверх спокойно лежащего Сану. Тупое выражение. Расслабленное лицо Сану казалось скорее глупым, чем возбуждающим. Уголки губ Чехёна поползли вверх. Глупое лицо милое. Раз признал, эмоции, прорывавшиеся, как прорвавшая дамбу вода, казались смешными.

— Пак Сану.

— Да...?

Хоть совсем отключился, но честно и прилежно отвечал – это было похвально. Засунув руку под худи, коснулся горячей кожи. От щекочущего ощущения Сану рефлекторно вздрогнул. Говорил, что пришёл в худи – базовой подготовки ноль, но если бы Сану пришёл в рубашке, как он, точно бы разозлился, расстёгивая пуговицы. За деревенское чувство моды Сану в этот момент был благодарен.

Чехён наклонил голову и прижал губы к щеке Сану. На ровные брови тоже, и скользнув по

переносице, задержал губы на кончике носа и оторвал. Хоть можно было бы грубо обращаться сколько угодно – крепкий парень, не заболит. Думая так, Чехён всё равно осторожно прикоснулся к телу Сану.

— ...Сану.

От имени, вырвавшегося шёпотом, Сану вздрогнул и пришёл в себя. Парень перед глазами казался правда сумасшедшим. Разве что солнце с запада взошло, но Чехён точно не из тех, кто назовёт его имя так щекотно. Вместо того чтобы, как обычно, просто дать пососать член и предоставить сперму, проходил каждую процедуру, как священный ритуал, раздражающе.

Спросить, не болен ли? Проверить, не в ситуации, когда не сможет дать еду из-за болезни? Что-то не то съел? Ничего сегодня вместе не ели, так что точно что-то не то в обед. Надо будет попросить, чтобы впредь на встречи приходил, очистив тело и душу, максимально здоровым. Сану в одиночестве беспокоился о здоровье Чехёна, с которым всё было в порядке.

— Не отвечаешь?

— А, да-да.

От голоса, словно ругающего за то, что погрузился в мысли, Сану быстро ответил.

— Значит, есть силы думать о другом?

Сану было по-настоящему страшно от Чехёна, который сначала улыбался, как сумасшедший, а теперь вдруг нахмурился и зловеще смотрел на него. Не совсем понимая, что сделал не так, но получив нагоняй, Сану отвёл взгляд, вращая глазами.

— Сконцентрируйся.

Сану усердно закивал. Пальцы Чехёна, блуждавшие по левому боку, медленно поднялись вверх. Погладив плоскую грудь без мяса, за которое можно ухватиться, в отличие от женской, Сану наклонил голову и посмотрел на Чехёна. Хм. Говорят, среди мужчин есть те, кто чувствует соски. Палец Чехёна легонько ущипнул торчащий левый сосок Сану.

— Ах...!

Между губ Сану вырвался тихий стон. Пронзившее ощущение было болью, которую никак нельзя было назвать удовольствием. Но президент, сегодня конкретно съехавший с катушек, не понятно, что подумав об этой реакции, ухмыльнулся и усилил давление пальцами. Боясь, что если оттолкнёт, не сможет поесть, Сану не мог толком сопротивляться и пришлось отдать сосок на милость пальцев Чехёна.

— Ых! Президент, больно...

Хоть лицо сморщил от боли, жалуясь, обрадованный противник не собирался отпускать, улыбаясь. Сладкий запах, который, казалось, уже не может стуситься, стал ещё глубже.

— Только больно?

А что ещё должно быть. Сану, не зная правильного ответа, молча сжал губы. Пальцы Чехёна тупо потёрли маленький бугорок. От давления поверх боли низ живота Сану напрягся.

Не получив желаемого ответа, раздражённый Чехён вытащил руку из-под одежды. От пальцев,

выскальзывающих, поглаживая талию, Сану тихо выдохнул с облегчением. Но ненадолго. Худи вместе с белой футболкой, надетой снизу, разом задралась вверх. Этого было мало – насильно потянув руки Сану, заставил держать край худи, поднятого до подбородка.

— Держи крепко.

Не успел ответить, что согласен, как горячее дыхание Чехёна коснулось кожи, ставшей чувствительной от постоянных прикосновений, и Сану невольно сжал пальцы. Увидев это краем глаза, Чехён очень низким голосом тихо прошептал: молодец. А, пожалуйста, не говорите туда. Собираясь открыть рот, чтобы сказать это, Сану, когда вместо пальца прикоснулась влажная и мягкая плоть, ёжась плечами, крепко закусил нижнюю губу.

— Ах...

Ощущение, начавшееся с крошечной точки, растеклось волнами, кругами по всему телу. Низ живота защекотало, и ноги Сану, переплетённые с ногами Чехёна, скрутились. От нестерпимой щекотки пальцы ног задёргались, сворачиваясь. Даже лёгкое скольжение пальцев Чехёна по сухой коже ощущалось слишком остро.

Чехён тоже знал, что реакция Сану отличается от предыдущей. Хотелось спросить: нравится? Но в этот момент не был настолько деревенским мужчиной, чтобы уточнять у тяжело дышащего партнёра.

<http://bllate.org/book/14976/1505380>